

*Щербакова Е.В.**

**ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ
А.Н. СКРЯБИНА®**

Аннотация. Задачей статьи является определение источников философско-художественного влияния на творчество Скрябина. При их достаточной эклектичности очевидно, что Скрябин эволюционировал от западной культуры к авторскому синтезу зарубежных (европейских и восточных) и отечественных культурных влияний. Основными компонентами его творческого облика были музыка, философия и символистская поэзия под эгидой музыки. В статье использованы источники из личной библиотеки Скрябина.

Ключевые слова: Скрябин; музыка; философия; поэзия символистов.

Поступила: 02.08.2022

Принята к печати: 23.08.2022

** Щербакова Елена Валерьевна – доктор культурологии, заведующая кафедрой музыки и изобразительного искусства Государственного социально-гуманитарного университета, Коломна, Россия, e-mail: cherval39@mail.ru*

Scherbakova Elena Valerievna – DSc in Culturology, head of Department of Music and Art, of the State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russia, e-mail: cherval39@mail.ru

© Щербакова Е.В., 2023

Scherbakova E.V.

Philosophical and artistic influences on the work of Alexander Scriabin

Abstract. The objective of the article is to identify the sources of philosophical and artistic influence on the work of Scriabin. With their sufficient eclecticism, it is obvious that Scriabin evolved from Western culture to the author's synthesis of foreign (European and Eastern) and domestic cultural influences. The main components of his creative image were music, philosophy and symbolist poetry under the auspices of music. The article cites books from Scriabin's personal library.

Keywords: Scriabin: music: philosophy: symbolist poetry.

Received: 02.08.2022

Accepted: 23.08.2022

Для цитирования: Щербакова Е.В. Идеино-художественные ориентиры А.Н. Скрябина // Вестник культурологии. – 2023. – № 1(104). – С. 165–181. DOI: 10.31249/hoc/2023.01.09

По словам выдающегося биографа композитора Л. Сабанеева, Скрябин «все время был фотографической пластинкой», на которой оставляли свой след разнородные влияния [Сабанеев, 2003, с. 331]. Различие скрябинского творческого облика в биографиях композитора объясняется Сабанеевым изменчивостью его воззрений как «временных величин», напоминающих музыкальные вдохновения: «его миросозерцание – <...>, живое, мятущееся, развивающееся и ищущее себя» [там же, с. 245]. Даже свои музыкальные произведения он варьировал, не довольствуясь зафиксированными в нотной записи звучаниями и обогащая звуковую палитру. Пианистка Е. Бекман-Щербина вспоминает: «Исполнение самого Скрябина отличалось изумительной тонкостью нюансов. Нотная запись оказывалась несовершенной для передачи всех оттенков, капризных изменений темпов и надлежащей звучности. Многое приходилось читать между строк, да и сам музыкальный текст часто варьировался автором. Так, например, в поэме соч. 32 он изменял заключительный аккорд, арпеджируя его в другом расположении; также в поэмах соч. 69 он добавлял некоторые басовые ноты для более полной звучности» [Бекман-Щербина, 1940, с. 62].

Следует отметить, что музыкальные ориентиры Скрябина были достаточно устойчивы. Композиторами, которые сохранили для него

свое значение на протяжении всей жизни, были Ф. Шопен, Ф. Лист и Р. Вагнер.

Общность раннего Скрябина по своей художественной природе с Шопеном отмечается всеми музыковедами. В ряде воспоминаний встречается факт, что он как «убежденный шопенист» не мог заснуть без произведений Шопена под подушкой [Сабанеев, 2003, с. 12; Гольденвейзер, 2009, с. 358]. Степень «шопенизма» начинающего композитора Скрябина определялась по-разному – от того, что он «насквозь проникнут духом Шопена» Кюи [Скрябин, 2003, с. 93] до знаменитого «Скрябин *умнее* Шопена» консерваторского профессора Скрябина по фортепиано В.И. Сафонова [Сабанеев, 2003, с. 21]. Помимо «шопеновских» по своему происхождению жанров мазурки, этюда, ноктюрна, прелюдии в раннем творчестве Скрябина, следует отметить его нелюбовь к публичным выступлениям в огромных концертных залах в сочетании со сравнительно небольшой силой звука (как и Шопен, Скрябин раскрывался именно в камерной обстановке, в дружеском кругу, где «все были на его стороне» и могли быть восприняты все оттенки нюансировки и звукового колорита, которыми он непревзойденно владел) [там же, с. 218]. В первую очередь с Шопеном в очертаниях, «соответствующих перегоревшему и переболевшему духу нашего времени» [Жилиев, 1984, с. 116], критики связывали мелодизм Скрябина и присущие ему приемы развития и взаимоотношения тем.

Сложный и изысканный фортепианный стиль Скрябина сложился на основе синтеза стилистических влияний Шопена, Листа и Шумана. В юности он играл произведения этих авторов, включая в репертуар менее значимых в художественном отношении, но популярных в то время композиторов (например, А. Гензельта). Позднее он стал исполнять только собственные произведения, придавая главное значение в творчестве композиции, а не пианизму. Возможно, поэтому, по наблюдениям Сабанеева, Скрябин не обладал широкими познаниями в области музыкальной литературы. «Многие страницы Вагнера, Листа, а в особенности Брамса, Грига были ему вовсе неизвестны» [Сабанеев, 2003, с. 214]. Отойдя в зрелые годы от шопеновских традиций, Скрябин, много работая над оркестровой музыкой, ощутил влияние Вагнера и Листа [Гольденвейзер, 2009, с. 359].

По мере того как усложнялась смысловая нагрузка музыкальных сочинений Скрябина, менялось его музыкальное восприятие. В юно-

сти, в начале 1890-х годов, он без раздражения воспринимал даже «летнюю» развлекательную музыку: гостя у друзей (например, у Мамонтовых в Дуббельне в 1892 г.), бывал на вечерах «опереток и вальсов», на «вокально-театрально-танцевальных» вечерах [Скрябин, 2003, с. 49]. В зрелые годы по отношению ко всей положительно воспринимаемой музыке композитором обычно используется мало что говорящая формулировка «очень мило». Поздний Скрябин 1910-х годов полностью захвачен собственными произведениями – прежде всего «Мистерией» и «Предварительным действием».

С конца 1890-х годов Скрябин проявлял интерес к философской литературе, что подразумевало расширение круга общения. В семье не было подобных интересов, в годы обучения в консерватории он пренебрегал даже музыкальной теорией (конспекты пропущенных занятий писала обожающая его тетя) [Скрябина, 1940, с. 14]. Видимо, поэтому в библиотеке Скрябина присутствовала музыкальная справочная литература со следами работы в тексте (например, словарь Гарраса [Гаррас, 1899]). Наставником Скрябина на пути его философского развития стал С.Н. Трубецкой.

С семьей Трубецких – поклонников его музыки – Скрябин сближился в 1898–1903 гг. Общение укрепляли интерес композитора к философии и общая музыкальность семьи Трубецких: отец философа, Николай Петрович Трубецкой, был другом Н.Г. Рубинштейна, председателем московского отделения Русского музыкального общества и одним из учредителей Московской консерватории; жена Прасковья Владимировна брала уроки фортепиано. По воспоминаниям Л. Скрябиной, С.Н. Трубецкой сидел рядом с Александром Николаевичем за роялем во время его фортепианной подготовки и обсуждал с ним различные темы по несколько часов [Скрябина, 1940, с. 20]. С.Н. Трубецкой даже выступил в роли музыкального критика, поддержав Скрябина в прессе (газета «Курьер», 1902 г.). «В лице г. Скрябина мы имеем первого самобытного русского композитора, владеющего фортепианным стилем, который так соответствует общему чисто лирическому настроению его музыки» [Трубецкой, 1907а, с. 384]. Вполне профессионально разбирая наиболее значимые в то время произведения Скрябина – две его симфонии, Трубецкой желает большего распространения музыки композитора «как среди любителей, так и среди концертантов» и призывает вслушаться в его произведения, «чтобы

понять тот своеобразный, интимный лиризм, которым они проникнуты, чтобы оценить изящество и богатство гармонии, мастерство отделки, их отличающее, чтобы примириться с необычайной сложностью некоторых из них. Эта сложность <...> является последовательным результатом музыкальной мысли, которая стремится оформить, выразить действительное сложное содержание» [Трубецкой, 1907б, с. 385–386]. Музыкальное мирозерцание Скрябина, которое «носит отпечаток борьбы и тревоги», слышится ему «верным отголоском <...> переживаемой нами критической эпохи» [там же, с. 386].

Связи с семьей Трубецких сохранились до конца жизни композитора: сестра философа, М.Н. Трубецкая, и ее муж, князь Н.В. Гагарин, регулярно бывали в доме Скрябина [Сабанеев, 2003, с. 60]. В личной библиотеке композитора находился том произведений Платона, возможно, подаренный ему С.Н. Трубецким – знатоком Античности и одним из переводчиков [Платон, 1903].

В зрелый период творчества Скрябин обратился к учебной философской литературе, на первом месте в которой стоял труд Ф. Ибервега (сохранился в личной библиотеке композитора [Ибервег, 1899]). В 1903 г., в период интенсивной творческой деятельности (инструментовка симфонии № 3, сочинение 4-й сонаты, поэмы ор. 32, «Трагической» и «Сатанической» поэм), композитор ощущает необходимость в научном чтении: «философски занимаюсь мало: прочел только Ибервега» [Скрябин, 2003, с. 286]. По Ибервегу Скрябин изучал творчество Фихте, Шеллинга и Гегеля. Онтология Скрябина, в которой теория эволюции Вселенной рассматривается как история разделения и погружения Духа в материю и обратного возвращения к единству на более высоком уровне развития Духа, производна от идей последнего. Рекомендации в отношении списка философских учебников он получал от Б. Шлёцера. В августе того же 1903 г. Скрябин писал ему: «С удовольствием и величайшей легкостью проглотил книгу Куно Фишера. Хочу прочитать все тома» [там же, с. 289] (очевидно, имелся в виду четвертый том «Истории новой философии», сохранившийся в библиотеке Скрябина [Фишер, 1901]). Годом позже композитор рекомендовал труд Фишера, послуживший основным источником его знакомства с концепцией И. Канта, своей ученице, пианистке и меценатке М.К. Морозовой [Скрябин, 2003, с. 304].

Хотя близкие Скрябину Б.Ф. Шлёцер и Л.Л. Сабанеев говорили о небольшом количестве читанной им философской литературы, она была проработана композитором с карандашом в руках. В поздний период глобальных замыслов духовное обогащение Скрябина в значительной степени происходило в форме не чтения, а общения с выдающимися современниками.

Очевидно, в своей идейно-творческой эволюции Скрябин руководствовался музыкальными импульсами, питавшими его фантазию. М. Пресман вспоминал: «...в вопросах музыкальных (как ни в каких других) он был непоколебим и отлично знал, чего хочет» [Пресман, 1940, с. 37]. В письме Н.В. Секериной (июнь 1894 г.) композитор писал: «гордость сознания, мир света, в котором человек твердой стопой идет по ясно начертанному пути к определенной, раз навсегда избранной им цели» [Скрябин, 2003, с. 76]. В январе 1905 г. Скрябин писал Т.Ф. Шлёцер о «Поэме экстаза»: для «того громадного здания, которое я хочу воздвигнуть, нужна совершенная гармония частей и прочный фундамент. Пока в моем мышлении не придет все в полную ясность, пока не будут объяснены все явления с моей точки зрения – я не могу лететь» [там же, с. 344]. Сравним с гораздо более ранним письмом М.П. Беляеву (март 1896): «Если у меня сочинение с о - в е р ш е н н о выяснилось, то я не могу остановиться, пока не допишу его до конца, если же есть какие-либо сомнения, то я не могу писать далее сочиненное, так как все последующее зависит от предыдущего» [там же, с. 139].

В поисках некоего музыкального абсолюта композитору было необходимо найти пути, приближающие к новому звуковому идеалу, осмыслить и описать его. Эту функцию выполняло чтение композитором художественной, гуманитарной и даже технической литературы и «проговаривание» им основных положений своих концепций видящим мир иначе немусыкантам, будь то поэты-символисты – собратья по творческой профессии – или врачи, ученые, философы, восхищенные музыкой Скрябина и готовые из симпатии к нему вникать в его идейно-художественные замыслы.

В круг общения Скрябина входили представители творческих профессий – музыканты, поэты, художники – и связанные с музыкой философы: в ранний период творчества – С.Н. Трубецкой, в зрелый и поздний – выпускник философского отделения Брюссельского уни-

верситета и музыковед Б.Ф. Шлёцер, Н.А. Бердяев. Несколько особняком в этом ряду стоит Г.В. Плеханов, с которым Скрябин общался в 1906–1908 гг. Идейные доминанты философа значительно отличались от скрябинских, но он способствовал освоению композитором основ марксистской теории, и в библиотеке Скрябина находилось несколько его книг, в том числе выпущенных под псевдонимом Н. Бельтов (на некоторых есть авторские дарственные надписи [Бельтов, 1906]). Теософский круг, значимый для позднего Скрябина, не был представлен выдающимися именами: труды Блаватской он узнал уже после ее смерти, лично знаком с Анни Безант не был. Произведения Е.П. Блаватской – «Ключ к теософии», прочтенный в 1905 г. как очень близкая идеям композитора «интересная», «замечательная» книга [Скрябин, 2003, с. 369], и трехтомник «Тайной доктрины» он читал на французском языке. По рекомендации Трубецкого в 1902 г. Скрябин вошел в Московское философское общество, родственники философа Гагарины ввели Скрябина в Религиозно-философское общество, где он был дружен с Булгаковым и Бердяевым, по рекомендации Э. Сигоня осенью 1908 г. Скрябины стали членами брюссельского психологического общества. Скрябин был действительным членом «Общества свободной эстетики» (1906–1917), созданного для объединения «служителей всех родов искусства – художников, музыкантов, поэтов, драматических и балетных артистов, с целью сближения их между собой» [Свиридовская, 2014, с. 93]. Идейное ядро клуба составляли поэты-символисты из окружения В. Брюсова: заседания посещали Ю. Балтрушайтис, С. Соловьев, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, философы Г. Шпет, Э. Метнер, Ф. Степун, С. Лурье, М. Эртель, литераторы и переводчики А. Петровский, М. Гершензон и многие другие [там же, с. 96].

Центральная для мыслителя тема творчества обнаруживает очевидное влияние творчества Ф. Ницше. «Ницшеанцем и мистиком», как охарактеризовал Скрябина его учитель Сафонов, он стал на рубеже XIX–XX вв. С Ницше его роднит понятие житнетворчества и особое отношение к своей творческой миссии. Идеальный герой Скрябина – по могуществу приближающийся к Богу многогранный творец («философ – музыкант – поэт» [Скрябин, 1919, с. 125] (подобная «кентаврическая» одаренность присуща и Ницше) – создает искусство,

завершающее очередной цикл развития Вселенной путем подготовки сознания человечества к преобразованию в сверхличность.

Важнейшей по значению для композитора в комплексе ницшеанских идей стала идея сверхчеловека. В книжном собрании Скрябина находился «Так говорил Заратустра» в немецком издании 1898 г., в котором в «Предисловии Заратустры» заметны следы читательской работы. Скрябин выделил зеленым карандашом знаменитую фразу «бог умер» в разделе втором и многое в третьем разделе в обращении Заратустры к народу. Полностью подчеркнуты мысли: «*Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?*»; «*Сверхчеловек есть смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: «Да будет сверхчеловек смыслом земли!»*»; «*Я заклинаю вас, мои братья, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! Это отравители, все равно, знают они это или нет*». Частично подчеркнуто описание иерархии зверя, человека и сверхчеловека: «*<вы хотите быть отливом этой великой волны> и скорее вернуться к зверю, чем превзойти человека?*», «*<Что такое обезьяна для человека? Посмешище или мучительный позор>*. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором» [Nietzsche, 1898, S. 12–13], перевод по: [Ницше, 2007, с. 13–14]. В отчеркнутых по левому краю абзацах текста присутствуют сравнения сверхчеловека с морем, молнией и безумием [Nietzsche, 1898, S. 14–15], перевод по: [Ницше, 2007, с. 14–15]

Замечательно, как точно услышал это А.Ф. Лосев, побывавший 27 мая 1914 г. на концерте из произведений Скрябина в Сокольниках и очарованный сложностью Второй симфонии, в период создания которой (1902) композитор, по свидетельству Сабанеева, «был ницшеанцем и увлекался «сверхчеловечеством» [Сабанеев, 2003, с. 26]. В дневнике Лосев описал музыку симфонии как «скрябинский мятущийся дух, который мечется по поднебесью», «порой любит своим мятением, но чаще воюет решительно со всей вселенной, упиваясь борьбой, наслаждаясь головоломными скачками через препятствия, он весь – гроза, вулкан, бунтующее море, непрерывная прихоть обваливающих скал. Едва ли для такого духа есть Бог и небеса. Нет, стремясь к Богу вечно, стремясь так головоломно, стремясь с таким все разрушающим экстазом и с такими невероятными электрическими

токами во всем своем существе, – он уничтожает Бога-Успокоения, Бога-Промыслителя. В конце концов узнаешь этого Бога. Его придется писать с маленькой буквы. Этот Бог – человеческое “я”, человеческий дух, для которого – вихрь его переживаний есть алтарь, а жертва – его связь с космосом и жизнью. <...> У Скрябина нет Бога. У него есть дух – и вселенная, где этот дух мечется» [Лосев, 1997, с. 125]. Позднее творчество Скрябина, в котором соединяются солипсизм и универсализм, связанный с идеей мирового, надличностного сознания, своеобразно сопрягает ницшеанскую идею сверхчеловека с символистской теургией на основе идей В. Соловьева и Вяч. Иванова [Щербакова, 2008].

Искания нового звукового колорита в сочетании с ориентализмом мировоззрения позднего Скрябина, вызванным работой над «Мистерией», обусловили его внимание к открытиям в области музыкального инструментария и к экзотическому искусству. Композитор связывал процесс дематериализации и духовного восхождения с музыкальной детемперацией («Мне уже тесно становится в темперированном строе» [Сабанеев, 2003, с. 263]) и осмыслением новой обертоновой теории. Он предлагал А.А. Дидерихсу построить ультрахроматическое фортепиано вне темперации (идея не прижилась в связи с коммерческой несостоятельностью) [там же, с. 148]. В 1910 г. в период работы над «Прометеем» Скрябин присутствовал в Московской консерватории на демонстрации фисгармонии, клавиатура которой издавала натуральные обертоны (инициатором встречи был специалист по музыкальной акустике Н.В. Петров, инспектор научных классов; в этом же году на такой демонстрации побывал увлеченный новациями в области музыкальной теории В.В. Кандинский [Кандинский, 2020, с. 626]. Скрябин одобрил звучание своих «прометеевских» гармоний в точной акустической настройке, но остался не удовлетворенным количеством звуков фисгармонии и ее тембровыми характеристиками [Сабанеев, 2003, с. 74].

Композитор посетил выступление Оота Ганако (1868–1945) – японской актрисы, гастролировавшей в России в 1910-е годы, представляющей традицию своей страны на основе варьирования театрального канона. В рамках одноактного короткого представления в мимически богатой игре Ганако «была такая психологическая тонкость и такое удивительное мастерство, какого я не встречал ни у од-

ной из европейских актрис», – писал современник [Чулков, 1930, с. 231]. Ганако поразила воображение не только театральных профессионалов – Н.Н. Евреинова, Вс. Э. Мейерхольда, но и музыкантов, в частности, знаменитой камерной певицы Марии Олениной-д'Альгейм. По ее приглашению Ганако выступала на вечере японского искусства в Малом зале Консерватории, представив публике не только театральные миниатюры, но и исполнение на национальных инструментах и традиционные танцы, вызывавшие ассоциации с драматическим балетом [там же, с. 232].

Скрябин познакомился с искусством Ганако, когда она глубокой ночью (видимо, после спектакля) выступала в художественной студии князя Гагарина по приглашению последнего, в том числе играла на японских струнных инструментах. Заинтересованный с позиций будущей «Мистерии» техникой исполнительского искусства, соединяющей сакральную и эстетическую функции, композитор был гораздо более впечатлен Ганако-артисткой, чем музыкантом: «У нее чувствуется, хотя мы и не понимаем ее языка, и чудесная мимика, и большая настоящая техника. Все это в области слова, жеста, движения, вот тут настоящая культура» [Сабанеев, 2003, с. 202]. В аутентичных японских мелодиях, исполненных Ганако, и беседе с ней Скрябин не обнаружил соответствия с мистическим образом Востока, созданным в его воображении, в гораздо большей степени ощущая «настоящий Восток в искусстве» в начале своей Десятой сонаты.

Пристальный интерес к Индии, понимаемой достаточно условно – как возможность духовного обновления, пробуждения новых чувств и мыслей, – обусловил знакомство Скрябина с индийским музыкантом и философом-мистиком Инайят Ханом [Хазрат Инайят Хан, 1914, 1997], который находился в России с осени 1913 по лето 1914 г., проводя лекции-концерты. Первый концерт – демонстрация индусских музыкальных инструментов и народной музыки в исполнении квинтета под его управлением – состоялся в октябре 1913 г. в Малом зале Консерватории и привлек внимание публики. Огромный общественный резонанс вызвала лекция-концерт «Индусская музыка», проведенная 6 марта 1914 г. в Политехническом музее. Скрябин ожидаемо был на ней: в афише лекции был приведен ее конспект, пункты которого не могли не заинтересовать композитора – идеалы музыки на Востоке, духовность в музыке; высокое значение, которое святые и йоги

придают музыке, значение музыки в религиозных обрядах всех народов, сила вибраций и влияние их на человеческую жизнь. Кроме того, были заявлены очерк истории индийской музыки за 5000 лет с (с музыкальными иллюстрациями) и концертное отделение с вокальными и инструментальными номерами (Инайят Хан играл на вине, музыканты квартета – на дильрубe, тамбуре и табле) [Есипова, 2016, с. 26–31]. Под впечатлением от лекции-концерта Скрябин пригласил Инайят Хана к себе и долго беседовал, находя «величие и спокойствие», недостающее «нашей беготней наполненной культуре». Не увидев связи этой музыки со своими замыслами («это все-таки не то, что *мне надо*»), композитор признавал в ней «большую духовность» и в поиске более высоких планов духовности желал в будущем встретиться не с суфием, каким был Инайят Хан, а с индийским брахманом-окультистом [Сабанеев, 2003, с. 200–201].

Вяч. Иванов и Бальмонт становятся особенно важными для позднего Скрябина. Первый – фундаментальный теоретик русского символизма – дал свое обоснование мистерии будущего, объединяющей актеров и зрителей как равноправных участников, и понятия соборности, перекликающегося с представлением о мистической преображающей силе искусства. Летом 1914 г. Скрябин писал: «Я раньше думал, когда был *вроде нищиеанца*, таким сверхчеловеком, что я один все сделаю, что это моя личность все свершит. Но ведь моя личность отражена в миллионах иных личностей, как солнце в брызгах воды... Их надо соединить, эти брызги, надо собрать личность воедино – в этом и задача, в этом и назначение искусства. Получится *единая соборная личность*. Сколько времени для этого потребуется, трудно сказать» [там же, с. 334–335].

Бальмонт был близок Скрябину красотой литературного стиля, вовлеченностью в теософскую среду, восторженным отношением к Востоку, особенно к Индии, которая воспринималась им «страной Мечты» и «страной Мысли». Уже будучи автором поэтического цикла «Индийские травы», он продолжил экскурс в индийскую культуру, переведя первую поэтическую биографию Будды, написанную драматургом и проповедником I или II вв. новой эры Асвагошей (экземпляр книги с авторским посвящением находится в библиотеке Скрябина) [Асвагоша, 1913]. Эта работа подготовила поэта к встрече с буддистскими практиками во время кругосветного путешествия в 1912 г. Без-

условно, рассказы Бальмонта о пребывании в Индии на фоне мечты Скрябина о подобной поездке для подготовки «Мистерии» вдохновляли композитора, а перевод буддийской поэмы стимулировал к созданию поэтического текста «Предварительного действия». В стихотворной области Скрябин не чувствовал себя уверенно, но ее предстояло покорить для успеха его музыкальной теургии, преображающей человечество в совокупную личность. В юности Скрябин объяснял однокурснику М. Пресману, что не пишет романы, потому что не может писать на чужой текст, а собственный его не удовлетворяет [Пресман, 1940, с. 38]. Однако крупные замыслы композитора требовали текста: финал Первой симфонии с ее гимном искусству, либретто так и не написанной оперы, над которой Скрябин работал в начале 1900-х годов, занявший немало времени текст «Поэмы экстаза», изданной в 1906 г. Создать текст «Предварительного действия» – сложного контрапункта музыки, поэзии и танца как элементов всеискусства – представлялось еще более сложной задачей. Работая над текстом летом 1914 г., Скрябин постоянно перечитывал *Cor Ardens* Вяч. Иванова и «Зеленый вертоград» Бальмонта – одно из любимых своих произведений [Шлёцер, 1919, с. 113]. Рассматривая историю разделения и погружения Духа в материю и обратного возвращения к единству как духовно-психический процесс, композитор тщательно шлифовал текст, используя «принцип оркестровки» – преобладания «в звуковом отношении того или другого сочетания гласных и согласных» [там же, с. 114–115]. В конце ноября он прочел текст Иванову и Балтрушайтису, получив положительный отзыв. Однако к этому времени Скрябин пришел к выводу, что не поэзия проясняет музыкальный замысел, а музыка магически проникает глубины поэзии в связи с ее мистичностью и меньшей связью с ментальным планом [Сабанеев, 2003, с. 309]. К сожалению, музыкальный замысел «Предварительного действия» не получил нотной фиксации.

Сабанеев называет Скрябина великим музыкантом, «всю жизнь стремившимся выйти из рамок музыки», «выйти в открытый океан религиозно-художественного синтеза» [Сабанеев, 1923, с. III]. Но импульсом и путеводной звездой на этом пути было мистическое *музыкальное* переживание (поздний Скрябин говорил: «Я почти всему научился из своего творчества» [Сабанеев, 2003, с. 177]).

Список литературы

Асвагоша. Жизнь Будды / пер. К. Бальмонта со вступ. ст. С. Леви. – Москва : Сабашниковы, 1913. – 321 с.

Бекман-Щербина Е.А. Воспоминания // Александр Николаевич Скрябин. 1915–1940 : сборник к 25-летию со дня смерти / ред. Ст. Маркус. – Москва ; Ленинград : Государственное музыкальное издательство, 1940. – С. 62–64.

Бельтов Н. За 20 лет : сб. статей литературных, экономических и философско-исторических. – Изд. 2-е, измен. – Санкт-Петербург : тип. «Общественная польза», 1906. – 600 с.

Гаррас А. Карманный музыкальный словарь. Муз. терминология А. Гарраса, испр. и умноженная кн. В.Ф. Одоевским. – 9-е изд. – Москва ; Петербург : Юргенсон, [1899]. – 132 с.

Гольденвейзер А.Б. Воспоминания. – Москва : Дека-ВС, 2009. – 560 с.

Есипова М.В. «Восточный» компонент музыкально-философского мировоззрения А.Н. Скрябина // А.Н. Скрябин и современность : жизнь после жизни / сост. А.С. Скрябин. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 26–31.

Жилиев Н.С. А.Н. Скрябин и его творчество // Литературно-музыкальное наследие : статьи, заметки, нотографические рецензии / сост. Н. Швидко. – Москва : Музыка, 1984. – С. 114–116.

Ибервег Ф. История новой философии в сжатом очерке / пер. с 8-го нем. изд. Я. Колубовский. – 2-е рус. изд., знач. доп. и передел. – Санкт-Петербург : тип. П.Ф. Воицкой, 1898–1899. – 800 с.

Кандинский В.В. О духовном в искусстве. Полное критическое издание с дополнениями и другими текстами о науке об искусстве : в 2 т. / сост., статьи и коммент. Н.П. Подземская. – Москва : БуксМАрт, 2020. – Т. 2. – 704 с.

Лосев А.Ф. «Мне было 19 лет...». Дневники. Письма. Проза / сост., предисл., комм. А.А. Тахо-Годи. – Москва : Русские словари, 1997. – 352 с.

Ницше Ф. Полное собрание сочинений. – Москва : Культурная революция, 2007. – Т. 4 : Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. Ю.М. Антоновского. – 432 с.

Платон. Творения Платона / пер. с греч. Влад. Соловьева, М.С. Соловьева и кн. С.Н. Трубецкого. – Москва : Типо-лит. В. Рихтер, 1903. – Т. 2. – 395 с.

Пресман М.Л. Воспоминания // Александр Николаевич Скрябин. 1915–1940 : сборник к 25-летию со дня смерти / ред. Ст. Маркус. – Москва ; Ленинград : Государственное музыкальное издательство, 1940. – С. 32–40.

Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. – Москва : Классика-XXI, 2003. – 400 с.

Сабанеев Л.Л. Скрябин. – 2-е издание. – Москва ; Петроград : Государственное музыкальное издательство, 1923. – 201 с.

Свиридовская Н.Д. «Живые силы искусства...»: из истории Общества свободной эстетики // Научный вестник Московской консерватории. – 2014. – № 4. – С. 92–117.

Скрябин А.Н. Записи // Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы / отв. ред. М. Гершензон. – Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1919. – Т. 6. – С. 120–250.

Скрябин А.Н. Письма / сост., ред. и примеч. А.В. Кашперова. – Москва : Музыка. 2003. – 720 с. – (Отечественная музыкальная культура в письмах и документах).

Скрябина Л.А. Воспоминания // Александр Николаевич Скрябин. 1915–1940 : сборник к 25-летию со дня смерти / ред. Ст. Маркус. – Москва ; Ленинград : Государственное музыкальное издательство, 1940. – С. 7–23.

Трубецкой С.Н. К девятому симфоническому собранию // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. – Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1907 а. – Т. 1 : Публицистические статьи, напечатанные с 1896 г. по 1905 г. включительно. – С. 383–385.

Трубецкой С.Н. По поводу концерта Скрябина // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. – Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1907 б. – Т. 1 : Публицистические статьи, напечатанные с 1896 г. по 1905 г. включительно. – С. 385–388.

Фишер Куно. Иммануил Кант и его учение. Ч. 1 : Возникновение и основание критической философии / пер. с 4-го нем. издания Н.Н. Полилова, Н.О. Лосского и Д.Е. Жуковского. – Санкт-Петербург : тип. А.Е. Колпинского, 1901. – 632 с. – (История новой философии ; т. 4).

Хазрат Инайят Хан. Мистицизм звука : монография / пер с англ. Михалкович А. – Москва : Сфера, 1997. – 333 с : ил., портр.

Хазрат Инайят Хан. «Суфийское послание о свободе духа» / авториз. пер. с англ. Андрея Балакина с порт. автора. – Москва : Типография М.О. Аттая и К., 1914. – 89 с.

Чулков Г. Годы странствия : из книги воспоминаний. – Москва : Федерация, 1930. – 398 с.

Шлёцер Б.Ф. Записка о Предварительном Действии // Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы / отв. ред. М. Гершензон. – Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1919. – Т. 6. – С. 99–119.

Щербакова Е.В. Пути от дионисийства к соборности в русской художественной культуре Серебряного века // Россия и славянский мир : история, язык, культура : сб. науч. тр. / ред.-сост.: В.А. Викторович, А.Б. Мазуров. – Москва : Три квадрата, 2008. – С. 284–302.

Nietzsche Friedrich. Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen. – 10 Auflage. – Leipzig : Druck und Verlag von C.G. Naumann, 1898. – 479 S.

References

Asvagosha. *Zhizn' Buddy* / per. K. Bal'monta so vst. st. S. Levi x The Life of the Buddha / per. K. Balmont with an introductory article by S. Levi]. Moscow, Sabashnikovy Publ., 1913. 321 p. (In Russ.).

Bekman-Shcherbina, E.A. *Vospominaniya* [Memoirs]. In *Aleksandr Nikolaevich Skryabin. 1915–1940 : Sbornik k 25-letiyu so dnya smerti* / red. St. Markus [Alexander Nikolaevich Scriabin. 1915–1940 : A collection for the 25 th anniversary of his death / ed. St.

Markus]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1940, pp. 62–64. (In Russ.)

Bel'tov, N. *Za 20 let. Sb. statej literaturnyh, ekonomicheskikh i filosofsko-istoricheskikh.* – Izd. 2-e izmen [For 20 years. Collection of literary, economic and philosophical-historical articles. Ed. 2 nd edition]. Saint Petersburg, tip. «Obshchestvennaya pol'za» Publ., 1906. 600 p. (In Russ.)

Garras, A. *Karmannyj muzykal'nyj slovar'. Muz. terminologiya A. Garrasa, ispr. i umnozhenaya kn. V.F. Odoevskim.* – 9-e izd [Pocket music dictionary. Musical terminology of A. Garras, corrected and multiplied book by V.F. Odoevsky. 9 th ed.]. Moscow, St. Petersburg, Yurgenson Publ., [1899]. 132 p. (In Russ.)

Gol'denvejzer, A.B. *Vospominaniya [Memories].* Moscow, Deko-VS Publ., 2009. 560 p. (In Russ.)

Esipova, M.V. «Vostochnyj» komponent muzykal'no-filosofskogo mirovozzreniya A.N. Skryabina [The “Eastern” component of the musical and philosophical worldview of A.N. Scriabin]. In *A.N. Skryabin i sovremennost': zhizn' posle zhizni / sost. A.S. Skryabin [A.N. Scriabin and modernity: life after life / comp. A.S. Scriabin].* Moscow ; Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016, pp. 26–31. (In Russ.)

Zhilyaev, N.S.A.N. Skryabin i ego tvorchestvo [A.N. Scriabin and his creativity]. In *Literaturno-muzykal'noe nasledie : Stat'i, zametki, notograficheskie recenzii / sost. N. Shvidko [Literary and musical heritage : Articles, notes, photographic reviews / comp. N. Shvidko].* Moscow, Muzyka Publ., 1984, pp. 114–116. (In Russ.)

Iberveg, F. *Istoriya novoj filosofii v szhatom ocherke / Iberveg-Gejnse: per. s 8-go nem. izd. Ya. Kolubovskij.* – 2-e rus. izd., znach. dop. i peredel [The history of the new philosophy in a concise essay. Translated from the 8 th German edition by Ya. Kolubovskiy. – 2 nd rus. ed., means. supplement. and redone]. Saint Petersburg, tip. P.F. Voshchinskoy Publ., 1898–1899. 800 p. (In Russ.)

Kandinskij, V.V. *O duhovnom v iskusstve. Polnoe kriticheskoe izdanie s dopolneniyami i drugimi tekstami o nauke ob iskusstve: v 2 t. / sost., stat'i i komment. N.P. Podzemskaya [About the spiritual in art. A complete critical edition with additions and other texts on the science of art: in 2 vols. / comp., articles and comments. N.P. Podrandskaya].* Moscow, BuksMArt Publ., 2020. Vol. 2. 704 p. (In Russ.)

Losev, A.F. «Mne bylo 19 let...». *Dnevnik. Pis'ma. Proza / sost., predisl., komm. A.A. Tahoe-Godi ["I was 19 years old...". Diaries. Letters. Prose / comp., preface, comm. A.A. Tahoe-Godi].* Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 352 p. (In Russ.)

Nietzsche, F. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 4. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo / per. Yu.M. Antonovskogo [The Complete works. Vol. 4. Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one / translated by Yu.M. Antonovsky].* Moscow, Kul'turnaya revolyuciya Publ., 2007. 432 p. (In Russ.)

Platon. *Tvoreniya Platona / per. s grech. Vlad. Solov'eva. M.S. Solov'eva i kn. S.N. Trubeckogo. Tom 2 [Plato's Creations / translated from Greek. Vlad. Solovyov. M.S. Solovyov and the book of S.N. Trubetskoy. Volume 2].* Moscow, Tipo-lit. V. Rihter Publ., 1903. 395 p. (In Russ.)

Presman, M.L. *Vospominaniya [Memoirs].* In *Aleksandr Nikolaevich Skryabin. 1915–1940 : Sbornik k 25-letiyu so dnya smerti / red. St. Markus [Alexander Nikolaevich Scriabin. 1915–1940 : A collection for the 25 th anniversary of his death / ed. St. Markus].* Mos-

cow, Leningrad, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1940, pp. 32–40. (In Russ.)

Sabaneev, L.L. Vospominaniya o Skryabine [Memories of Scriabin]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2003. 400 p. (In Russ.)

Sabaneev, L.L. Skryabin. – 2-e izdanie [Scriabin. 2 nd edition]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1923. 201 p. (In Russ.)

Sviridovskaya, N.D. «Zhivye sily iskusstva...»: iz istorii Obshchestva svobodnoj estetiki [“The living forces of Art...”: from the history of the Society of Free Aesthetics]. In *Nauchnyj vestnik Moskovskoj konservatorii*, no. 4, 2014, pp. 92–117. (In Russ.)

Scriabin, A.N. Zapisi [Records]. In *Russkie Propilei. Materialy po istorii russkoj mysli i literatury* / otv. red. M. Gershenzon. T. 6 [Russian Propylaea. Materials on the history of Russian thought and literature / ed. by M. Gershenson. Vol. 6]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovyh Publ., 1919, pp. 120–250. (In Russ.)

Scriabin, A.N. *Pis'ma* / sost., red. i primech. A.V. Kashperova [Letters / comp., ed. and note by A.V. Kashperov]. Moscow, Muzyka Publ.. 2003. 720 p. (Otechestvennaya muzykal'naya kul'tura v pis'mah i dokumentah). (In Russ.)

Scriabina, L.A. Vospominaniya [Memoirs]. In *Aleksandr Nikolaevich Skryabin. 1915–1940 : Sbornik k 25-letiyu so dnya smerti* / red. St. Markus [Alexander Nikolaevich Scriabin. 1915–1940 : A collection for the 25 th anniversary of his death / ed. St. Markus]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1940, pp. 7–23. (In Russ.)

Trubeckoj, S.N. K devyatomu simfonicheskomu sobraniyu [To the Ninth Symphony Collection]. In *Sobranie sochinenij kn. Sergeya Nikolaevicha Trubeckogo. T. 1. Publicisticheskie stat'i, napechatannye s 1896 g. po 1905 g. vkladytel'no* [Collected works of the book. Sergei Nikolaevich Trubetskoy. Vol. 1. Journalistic articles published from 1896 to 1905 inclusive]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko Publ., 1907 a, pp. 383–385. (In Russ.)

Trubeckoj, S.N. Po povodu koncerta Skryabina [About Scriabin's concert]. In *Sobranie sochinenij kn. Sergeya Nikolaevicha Trubeckogo. T. 1. Publicisticheskie stat'i, napechatannye s 1896 g. po 1905 g. vkladytel'no* [Collected works of the book. Sergei Nikolaevich Trubetskoy. Vol. 1. Journalistic articles published from 1896 to 1905 inclusive]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko Publ., 1907 b, pp. 385–388. (In Russ.)

Fisher, Kuno. *Immanuel Kant i ego uchenie. Ch. 1. Vozniknovenie i osnovanie kriticheskoy filosofii* / per. s 4-go nem. izdaniya N.N. Polilova, N.O. Losskogo i D.E. Zhukovskogo [Immanuel Kant and his teaching. Part 1. The emergence and foundation of critical philosophy / trans. from the 4 th German. editions by N.N. Polilov, N.O. Lossky and D.E. Zhukovsky]. Saint Petersburg, tip. A.E. Kolpinskogo Publ/, 1901. 632 p. (Istoriya novoj filosofii. Tom IV). (In Russ.)

Hazrat, Inajyat Han. *Misticizm zvuka : monografiya* / per s angl. Mihalkovich A. [Hazrat Inayat Khan. Mysticism of sound : a monograph / translated from English. Mikhalkovich A.]. Moscow, Sfera Publ., 1997. 333 p. : il., portr. (In Russ.)

Hazrat, Inajyat Han. «*Sufijskoe poslanie o svobode duha*» / avtoriz. per. s angl. Andrey Balakina s port. avtora [“The Sufi message about the freedom of the spirit” / author's translation from English. Andrey Balakin from the port. the author]. Moscow, Tipografiya M.O. Attaya i K. Publ., 1914. 89 p. (In Russ.)

Chulkov G. Gody stranstviya: Iz knigi vospominanij [Years of Wandering: From the book of memories]. Moscow, Federaciya Publ., 1930. 398 p. (In Russ.)

Shlyocer, B.F. Zapiska o Predvaritel'nom Dejstvii [Note on the Preliminary Action]. In *Russkie Propilei. Materialy po istorii russkoj mysli i literatury* / otv. red. M. Gershenzon. T. 6 [Russian Propylaea. Materials on the history of Russian thought and literature / ed. by M. Gershenson. Vol. 6]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovyh Publ., 1919, pp. 99–119. (In Russ.)

Shcherbakova, E.V. Puti ot dionisijstva k sobornosti v russkoj hudozhestvennoj kul'ture Serebryanogo veka [The ways from Dionysianism to conciliarity in the Russian artistic culture of the Silver Age]. In *Rossiya i slavyanskij mir: istoriya, yazyk, kul'tura: sb. nauch. tr.* red.-sost.: V.A. Viktorovich, A.B. Mazurov [Russia and the Slavic world: history, language, culture: collection of scientific works, ed.-comp.: V.A. Viktorovich, A.B. Mazurov]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2008, pp. 284–302. (In Russ.)

Nietzsche, Friedrich. *Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen. 10 Auflage.* Leipzig, Druck und Verlag von C.G. Naumann, 1898. 479 S.